

Токарчук И. Н. Частица *только* в пространстве художественного текста (на материале произведений Б. Васильева) / И. Н. Токарчук // Научный диалог. — 2018. — № 2. — С. 159—171. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-159-171.

Tokarchuk, I. N. (2018). Particle “tolko” in Space of Literary Text (on Works by Boris Vasilyev). *Nauchnyy dialog*, 2: 159-171. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-159-171. (In Russ.).

УДК 811.161.1*367.635:821.161.1Васильев.08

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-159-171

Частица *только* в пространстве художественного текста (на материале произведений Б. Васильева)

© Токарчук Ирина Николаевна (2018), orcid.org/0000-0003-3324-3968, SPIN-код 8976-5503, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия), tokarchuck.ira@yandex.ru

Статья посвящена стилистическому аспекту функционирования русских частиц. Рассматриваются функциональные возможности частиц как средства создания стилистических приемов и идиостиля писателя. На примере одной из наиболее частотных межстилевых частиц с ограничительной семантикой — слова *только* — показана реализация семантико-прагматических свойств частиц в пространстве художественного текста. Устанавливается, что характерные для *только* основные проявления семантики ограничительности (оценка признака как единственного и оценка признака как незначительного, несущественного) создают базу для использования частицы при создании образа персонажа, а также для выражения основных идей в ряде произведений Б. Васильева. В частности, на материале повести «Не стреляйте белых лебедей» описана роль частицы *только* как маркера смысла ‘незначительный, ничтожный’ в создании образа главного героя. Показано, что автор повести использует приемы повтора и градации: в построениях типа *не X, а только Y*, где позиции *X* и *Y* замещены предикатами, действие *Y* оценивается как недостаточно активное на фоне отрицаемого (эксплицитно или имплицитно) ожидаемого активного действия. Доказано, что использование конструкций с частицей *только* позволило писателю подчеркнуть основные черты характера центрального персонажа — кротость, безответность и под. Проведенное исследование позволяет дополнить общую картину функционирования частицы *только* в современном русском языке.

Ключевые слова: частицы, семантика, прагматика, стилистический аспект, стилистический прием, стилистический эффект.

1. Стилистический аспект изучения частиц

Выявление особенностей функционирования частиц в разных формах и композиционных типах речи, в текстах разных стилей, в том числе и в языке художественных произведений, является актуальным направлением исследования данного класса служебных слов, которое может быть определено как стилистический аспект [Стародумова 2002, с. 35—38]). Частицы разной семантической природы, попадая в ткань художественного текста, либо реализуют те свои свойства, которые присущи им в языке безотносительно к сфере его бытования, либо получают стилистическую нагрузку. В связи с этим представляется важным мнение Е. А. Иванчиковой о том, что «основной задачей рассмотрения коммуникативно-обязательных синтаксических форм художественного текста является установление каждый раз того предела, за которым эти формы выполняют не только свои общезыковые функции, но и функции художественно-изобразительные» [Иванчикова, 1979, с. 43]. Действительно, результаты исследований, в первую очередь Е. А. Иванчиковой, Н. Д. Арутюновой, Ю. Н. Караулова, посвященных языку Ф. М. Достоевского, показывают, что частицы в текстах его произведений выступают в определенных прагматико-стилистических функциях и являются показателями идиостиля писателя [Иванчикова, 1979; Арутюнова, 1999; Караулов, 1996].

О стилистическом (или «изобразительном») характере употребления частиц можно говорить в тех случаях, когда автор отдает частице предпочтение, так или иначе выделяя ее, намеренно часто или «концентрированно» использует ее в тексте произведения или его фрагментах, «играет» ее семантикой, нарушает правила употребления слова, строит на основе частицы стилистические фигуры и под. «Изобразительные» функции частиц в художественном тексте отличаются разнообразием и могут получать различные квалификации. С помощью такого мощного коммуникативно-прагматического, текстового средства, как частицы, достигаются разнообразные стилистические эффекты и решаются разные художественные задачи.

2. Семантико-функциональные особенности частицы только и ее стилистический потенциал

Ограничительная частица только — один из ярких представителей данного класса служебных единиц. Характер семантико-функциональных свойств слова *только* обуславливает его высокую частотность в текстах разной стилиевой принадлежности, что позволяет говорить о нем как о межстилевой частице. Несмотря на имеющиеся расхождения в трактов-

ках данного слова, совершенно очевидно, что основу семантики *только* составляет значение «единственности» — основная модификация ограничительности (см., например, [Стародумова, 1988, с. 19; Шимчук и др., 1999, с. 124—126; Словарь служебных слов ..., 2001, с. 39—50] и др.). Так, метафорической перифразой всех возможных употреблений слова *только* (вне зависимости от конкретных грамматических его квалификаций) может служить формулировка «Всё сводится к одному» [Дискурсивные слова ..., 1998, с. 45]. В этом значении частица используется для выделения некоторого предмета (или признака, ситуации) как единственного из ряда подобных предметов (или признаков, ситуаций), а передающаяся информация имеет, по мнению Е. А. Стародумовой, субъективно-объективный характер [Стародумова, 2002, с. 88].

Другая разновидность ограничительного значения связана с оценкой признака как несущественного, незначительного, недостаточного: если «в первой модификации частица отделяет один-единственный объект от ряда объектов», то «во второй — частица отделяет “малость”, незначительность признака, объекта от возможного его восприятия как существенного, значительного» [Там же, с. 89—90].

Данные значения частицы *только* (соответственно *только 1* и *только 2*) оказываются востребованными в текстах всех стилей и жанров, в том числе, по нашим наблюдениям, в письменной научной речи [Токарчук, 2012а], в то время как в рекламных текстах, а также в письменной официально-деловой речи используется главным образом *только 1*, что обусловлено соответствием семантики частицы воздействию-манипулятивному или регламентирующему их характеру [Токарчук, 2012б].

Наиболее полно и разнообразно свои семантико-функциональные возможности частица *только* реализует в текстах художественных произведений. Так, Е. А. Иванчикова отмечает ряд употреблений данной частицы, характерных для языка Ф. М. Достоевского: в «рассуждениях утверждающе-констатирующего типа, близких к сентенциям и афоризмам» [Иванчикова, 1979, с. 164]; в атрибутивном сочетании, когда частица занимает в нем интерпозицию, приводящую к дистантной синтаксической связи его членов [Там же, с. 262—264], и др. В исследованиях В. А. Порошиной рассматриваются особенности функционирования *только* в эпических фольклорных текстах: так, эта частица встречается главным образом в героических былинах [Порошина, 1984], обычно — «в составе определенных, достаточно устойчивых синтаксических конструкций, свойственных былинному жанру», и имеет «стилистическую нагрузку, осуществляя ритмическую, ретардационную, суггестивную, эмоционально-экспрессивную

функции» [Порошина, 1983, с. 129]. По наблюдениям А. Ю. Чернышевой, частица *только*, благодаря способности выражать «метатекстовые отношения исключения», часто используется в романах Л. Н. Толстого для организации текстовых построений и «в организации смысла и структуры сложных предложений» [Чернышева, 1993, с. 128—129]. Именно с метатекстовой природой «факультативно-комментирующего значения» данной частицы автор связывает особенности ее употребления в художественных текстах [Чернышева, 1997, с. 38].

Наши наблюдения, в свою очередь, показывают, что с помощью частицы *только* решаются и другие стилистические задачи, одна из которых может быть определена как создание художественного образа героя произведения. Спецификой этого образа обуславливаются особенности использования частицы в каждом случае. Так, в романе Т. Соломатиной «Большая собака» частица *только* I включается в несобственно-прямую речь главной героини — пятилетней девочки — с целью показать особенности детского мировосприятия, в частности — ощущение своего особого положения среди остальных людей, что придает ей уверенности в себе, например: *Она [бабушка] все время плачет, когда одна <...> Плачет, а как только кто-то приходит — перестает. Только при мне плачет. Наверное, я умею быть невидимой; Дик никому не смотрит в глаза. Даже Бусе. Только Поле. Издалека. Когда Поля смотрит в глаза Дика. Издалека* и под. В данных употреблениях частица выражает смысловые отношения противопоставления при несоответствии информации, ср.: никому — только Поле; ни при ком другом — только при мне. Тем самым показывается исключительность факта: утверждается его единственность на фоне полного отрицания.

Функциональная значимость частиц, «вплетающихся» в семантико-прагматическую ткань повествования, становится более очевидной в тех случаях, когда частица неоднократно встречается в пространстве всего произведения или его фрагмента, и особенно — при повторах, организованных с опорой на частицу. На особый характер повторов (в том числе повторов частиц) в художественных текстах указывает Г. Н. Акимова, акцентируя внимание на увеличении экспрессивного воздействия повтора в зависимости от кратности повторения элемента, когда создается «специальный эффект, связанный с подтекстом, т. е. с дополнительным смыслом» [Акимова, 1990, с. 127—128]. Так, многочисленные и разнообразные вариативные лексические и синтаксические повторы, в том числе с частицами, являются одной из характерных особенностей прозы Л. Петрушевской: частица подчеркивает какую-либо черту персонажа, позво-

ляет ярче представить существенную для его образа деталь. Например, в рассказе «Приключения Веры» подобную функцию выполняет частица *только*: *Но все равно это никак не служило оправданием Вере в глазах других, и только подруги, находящиеся в таких же внешних обстоятельствах и внутри этих обстоятельств и, несмотря на кажущуюся похожесть, бывшие натурами все-таки абсолютно разными, только эти разные подруги, при заданных условиях каждая по-своему решавшие свои жизненные задачи, только эти подруги понимали Веру и считали ее существом не от мира сего, существом идеальным <...> — только I* во всех трех случаях относится к одному компоненту (существительному с распространителями либо без них) и акцентирует внимание на значении единственности, которое, будучи связанным с исключительностью утверждаемого факта на фоне полного отрицания («подруги — и никто другой»), нагнетается с целью подчеркнуть особое положение главной героини среди «других».

3. Частица *только* со значением единственности, отделенности, уникальности (*только I*) как основа построения позиционно-лексического повтора в произведениях Б. Васильева

Использование разного вида повторов, построенных с опорой на частицы *даже*, *ещё* (*ещё не*), *уже* (*уже не*), *это*, *всё* и др., является одной из особенностей авторской манеры Б. Васильева. В число данных единиц входит и частица *только*.

Создаваемой частицей *только I* эффект выделения предмета, признака и т. д. и его противопоставления другим компонентам ряда (множества), часто имплицитного, усиливается в случае повтора частицы. Например, в повести Б. Васильева «Летят мои кони» используется пятикратный повтор, построенный по типу анадиплозиса и анафоры, когда повторяющиеся элементы содержатся в конце и в начале смежных отрезков текста либо только в начале высказываний, располагающихся последовательно: *Человек живет для себя только в детстве. Только в детстве он счастлив своим счастьем и сыт, набив собственный животик. Только в детстве он беспредельно искренен и беспредельно свободен. Только в детстве все гениальны и красивы, все естественны, как природа, и, как природа, лишены тревог. Все — только в детстве, и поэтому мы так тянемся к нему, постарев, даже если оно было жестким, как солдатская шинель*. Благодаря данному приему при концентрации внимания на выделяемом частицей компоненте с обстоятельственным значением реализуется суггестивная тактика: автор настаивает на своем мнении. Тезис, содержащийся в первом

высказывании, подтверждается рядом последующих высказываний, а маркированность данных высказываний вводящим их повторяющимся детерминативным компонентом с частицей создает эффект «нагнетания», «внушения» важной как для данного фрагмента, так и для всего произведения идеи о том, что детство, в отличие от более зрелых периодов, — лучшая пора жизни. В основе описанного построения лежит свойство частицы выделять коммуникативно важный компонент высказывания, а в целом происходит интенсификация утверждения.

Аналогичный прием — повтор с частицей — встречается и в других произведениях Б. Васильева. Особое место занимают случаи использования слова *только* при создании художественного образа героя произведения, а именно — при описании исключительности каких-либо его черт, отличающих его от других персонажей.

Так, например, образ Вики Люберецкой в повести «А завтра была война» противопоставляется образам ее одноклассников благодаря многократному употреблению частицы с компонентом — именем героини в рамках небольшого фрагмента текста в объеме трех контактно расположенных абзацев, ср. (в сокращении): *Только Вику подвозила служебная машина <...> Только Вика могла продемонстрировать девочкам шелковое платье из Парижа — предмет мучительной зависти Зиночки и горделивого презрения Искры. Только у Вики была шубка из настоящей сибирской белки <...> И еще Вика была красивой <...> вполне сложившейся, спокойной, уверенной в себе и своем обаянии девушкой с большими серыми глазами. И взгляд этих глаз был необычен: он словно проникал сквозь собеседника в какую-то видимую только Вике даль, и даль эта была прекрасна, потому что Вика всегда ей улыбалась.* Частица является не просто средством выделения повторяющейся лексемы, а средством повтора идеи уникальности персонажа («она не такая, как все»).

Другой пример — это образ доктора Янсена в повести «Летят мои кони...», когда повторяется собственно частица — при компонентах, не обладающих лексико-семантической или грамматической общностью. Роль частицы состоит в указании на «неповторимость» данного персонажа, обусловленную редкостью, «уникальностью» присущих ему профессиональных качеств, обозначаемых выделяемыми частицей компонентами. Благодаря свойству частицы передавать имплицитную информацию вводятся дополнительные смыслы: «другие так не делали» и «сейчас так не делают», на основе чего создается эффект противопоставления описываемого персонажа-врача другим (обычным) врачам, ср.: *Доктор Янсен смотрел на часы, только когда считал пульс, торопился только к боль-*

ному и никогда не спешил от него <...> И шел к больному, *только* хорошо прогрев руки. Его прикосновения всегда были приятны.

4. Частица *только* со значением несущественности, незначительности (*только* 2) как средство создания образа героя в повести Б. Васильева «Не стреляйте белых лебедей»

В повести «Не стреляйте белых лебедей», в масштабе всего текста произведения, автор целенаправленно и последовательно использует частицу *только* во втором значении, которое имеет, по мнению Е. А. Стародумовой, «прагматическую, субъективно-оценочную сущность: частица показывает, что признак или объект следует воспринимать как несущественный, незначительный» [Стародумова, 2002, с. 88—89]. С помощью *только* 2 описываются действия, поступки главного героя — «бедоносца», неудачника, чудака, романтика Егора Полушкина, а также тех персонажей, которые оказываются близкими ему по родству и по духу. Частица способствует изображению характера главного героя, таких его черт, как кротость, смирение, покорность судьбе, обстоятельствам и воле других людей, безобидность и отсутствие способности обижаться или открыто противодействовать кому-либо или чему-либо, безответность, способность к всепрощению.

Автором используется прием градации, при котором сопоставляются два признака — более и менее значимый. Утверждаемый признак маркируется частицей: она формирует компонент со значением незначительности, «малости», тем самым подчеркивая его противопоставленность значительному, существенному признаку. В ряде эпизодов, определяющих сюжетное развитие текста, частица включается в отрицательно-противительные конструкции типа *не X, а только Y*, оформленные в основном союзным сочетанием *не ... а*. При этом противительный союз может отсутствовать, особенно если смысловые отношения формируются не в рамках отдельного высказывания, а на уровне текста, когда функцию выражения противопоставления берет на себя частица, которая может находиться как в препозиции, так и в постпозиции относительно выделяемого компонента. Позиции *X* и *Y* заполняются предикатами — спрягаемыми глагольными формами, преимущественно в моносубъектной конструкции, когда противопоставляются предикаты, называющие действия одного субъекта. Данные построения позволяют продемонстрировать особый характер миропонимания Егора (а также его сына Кольки и жены Харитины) через реакцию на действия других и складывающиеся ситуации.

Так, характеризуя отношения Егора с женой и с Федором Бурьяновым, автор замечает: *Егор от криков и ругани [жены] всегда чувствовал себя*

виноватым. *Виноватым не по разуму, а по совести. И потому **не спорил, а только казнил**; И он **не спорил** с этим, а **только горевал сильно, себя ругая на чём свет стоит**.* Частица относится к предикативному компоненту, который обозначает действие, оцениваемое с помощью частицы как незначительное, недостаточное, а именно — «неактивное», бесполезное на фоне другого действия, более «значительного», потенциально желаемого или ожидаемого в описываемой ситуации. «Ожидаемость» более значительного действия связана с его обычным, типичным для подобных ситуаций характером, ср., например, реакцию Харитины на неоправданные надежды заработать, набрав лыка в лесу: ***Не закричала Харитина почему-то, хоть и ждал Егор этого. Вздохла только.*** Обычной в таких ситуациях реакцией было бы закричать, то есть более активно выразить свое сожаление, огорчение, обиду. Данная оценка маркированного частицей действия и противопоставляемого ему формируется в контексте и благодаря семантике частицы.

Характерной особенностью Егора и его сына Кольки является нерешительность, ср.: *Очень **хотелось Егору защитить хорошего человека, но он только вздохнул и на другой бок перевернулся. С женой спорить — бесполезно одна; И тогда Кольке очень хотелось что-нибудь сделать: речку переплыть, щуку за хвост поймать или спасти кого-нибудь (лучше бы Олю, конечно) от верной гибели. Но речка была широкой, щука не попадалась, и никто не тонул. И потому он только нырянием хвастался, но она на ныряния его внимания не обращала.*** Данные построения отличаются от рассмотренных выше: это полипредикативные конструкции с повторяющимся субъектом, в которых также противопоставляются действия одного субъекта.

В тех случаях, когда от Егора могли бы ожидаться более решительные, значительные действия, он не проявляет себя иначе — даже по отношению к сыну. Например, когда сын — в отличие от отца — защищал его доброе имя на кулаках от насмехавшихся над Егором односельчан: *Впрочем, он [Егор] еще терпел по великой своей привычке к терпению, еще ласково улыбался, а Колька ходил сплошь в синяках да царапинах. Егор сразу заметил синяки эти, но сына **не трогал: вздыхал только.*** В трагическом финале кульминационного эпизода на озере в ответ на требования Егора предъявить документы охотники начали его избивать, а он не сопротивлялся, продолжая придерживаться своей позиции, демонстрируя несвойственную ему твердость, но не вступающую в активную — физическую — борьбу: *Ещё и ещё раз обрушилась жердь, а потом Егор **перестал уж и считать-то удары, а только ползал на дрожащих, подламывающихся руках.*** Ту чер-

ту характера Егора, которая может восприниматься как нежелание отстоять свою позицию, неактивность, автор обобщает следующим образом: *Когда неожиданно, из-за угла приходит беда, то потом только вздыхать остается да в затылке почесывать:* / — Да уж, стало быть, так, раз оно не так!..

Колька, сын главного героя, во многом похож на отца. Так, помимо нерешительности, его отличают доверчивость, добродушный характер: *От счастья, что все хорошо закончилось, Колька забывал обижаться* [на злую шутку], *а только радовался*; терпеливость: [Колька упал с березы, поранился и вывихнул ногу] *Ну, вправили, конечно, швы на бок наложили, йодом вымазали с головы до ног — только кряхтел* (ср. незамещённый предикат: не жаловался, не стонал, не плакал); сдержанность: *Вопреки тайному опасению Нонны Юрьевны Колька встретил ее очень радостно и никаких вопросов не задавал. Проворчал только:* / — *Без меня чтоб ни шагу теперь*; отсутствие изворотливости: [двоюродный брат Вовка требует обменять щенка Цуцика на какую-нибудь вещь, иначе он утопит собаку] *Вещей у Кольки не было, и разговор тот так ничем и не кончился. Но Колька о нем каждый день думал, каждый день со страхом за Цуцика этого горемычного окутывался, а придумать ничего не мог. Мрачнел только*; преданность, верность, твердость характера: — *Обидели его очень, Харитина Макаровна. А кто обидел, не говорит: только трясется весь.*

Образу Харитины также присуще определенное сходство с образом Егора, что выявляется в моносубъектных конструкциях, ср.: *Посмотрел Егор на деньги <...> И вышел. А она и не обернулась: только опять запела что-то; Не удержала его тогда Харитина, и гнал Егор казенную кобылку сквозь осеннюю темь. Знала бы, поперек дороги бы легла, а не зная, ругнула только:* / — *Да куда же тебя понесло, бедоносец чертов.*

Другой случай реализации аналогичных отношений — в составе полипредикативной структуры при разных субъектах, ср.: *Кинулись и снова били. Били, пока хрипеть не перестал. Тогда оставили, а он только вздрагивал шуплым, раздавленным телом; Смеялись [над Егором]. И Егор со всеми вместе хихикал: чего ж над глупым-то не посмеяться? /.../ *А Тина только улыбалась. Изо всех сил улыбалась гостям дорогим, сестре родимой да Федору Ипатовичу.* В таких случаях противопоставляются предикаты, относящиеся к разным субъектам, благодаря чему противопоставляются и сами субъекты: застрелившие лебедей били Егора — он не вступал в драку; гости смеялись, Егор хихикал — Харитина улыбалась.*

Как уже указывалось выше, *только 2* маркирует предикаты, называющие в первую очередь действия самого Егора, его сына и жены, образы которых имеют определенное сходство; кроме того, дважды частица используется при описании образов учительницы Нонны Юрьевны и ее матери. Тем самым создается некий круг положительных героев, противопоставляемых другим персонажам — более «активным»: смекалистым, практичным, умеющим приспособиться, не упустить своего и т. п. Частица *только 2* становится языковым маркером кротости, смиренности, безобидности и под. Вместе с тем частица выступает как бессознательный транслятор оценочного отношения автора к своему главному герою: *не X, а только Y* означает, что субъект, совершая действие *Y*, оцениваемое как недостаточное, все-таки должен делать что-то другое. Вольно или невольно автор через частицу характеризует черты Егора как «не дотягивающие» до нормы. Центральный персонаж при этом, безусловно, положительный герой, однако не идеальный. Ср. поведение Егора после того, как он, будучи пьяным, ударил сына и потерял снаряжение от моторной лодки: *Но это он все потом выискал, когда опамятовался. А по первости в день тот развеселый хохотал только*. Позиция отрицаемого компонента не замещена, но он выводится из содержания контекста: ничего не предпринимал, чтобы найти потерянное или извиниться перед сыном, даже не понимал, что делал. Возможно, автор видит в этом единство, органичность натуры своего героя: *Егор был единственным, потому что всегда оставался самим собой. Он не умел и не пытался казаться иным — ни лучше, ни хуже. И поступал не по соображениям ума, не с прицелом, не для одобрения свыше, а так, как велела совесть*.

Таким образом, представленный анализ употреблений частицы *только* в значении ‘несущественность, незначительность’ в повести Б. Васильева «Не стреляйте белых лебедей» позволяет говорить об особом стилистическом предназначении этого слова как значимого средства создания художественного образа. Данная функция частицы обусловлена соответствием ее семантики и тех черт главного героя, которые составляют основу его характера. При этом использование такого эгоцентрического (в терминологии Е. В. Падучевой [Падучева, 1995, с. 258]) слова, каковым является *только 2* (в отличие от *только 1*), позволяет избежать прямолинейной оценки персонажа, имеющего сложный характер, и благодаря «нагнетаемым» имплицитным смыслам создать эффект переплетающегося сознания героя и автора как одного размышляющего субъекта. В целом полученные результаты дополняют картину функционирования частицы *только* в художественном тексте.

Литература

1. *Акимова Г. Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка / Г. Н. Акимова. — Москва : Высшая школа, 1990. — 168 с.
2. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
3. *Дискурсивные слова русского языка : опыт контекстно-семантического описания / А. Н. Баранов [и др.].* — Москва : Метатекст, 1998. — 447 с.
4. *Иванчикова Е. А.* Синтаксис художественной прозы Достоевского / Е. А. Иванчикова. — Москва : Наука, 1979. — 287 с.
5. *Караулов Ю. Н.* Предикация и неопределенность? / Ю. Н. Караулов // Словарь. Грамматика. Текст : сборник статей учеников Н. Ю. Шведовой. — Москва : ИРЯ РАН, 1996. — С. 387—395.
6. *Падучева Е. В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. — 464 с.
7. *Порошина В. А.* Особенности функционирования выделительно-ограничительной частицы *только* в эпическом произведении / В. А. Порошина // Язык жанров русского фольклора : межвузовский научный сборник. — Петрозаводск : ПГУ, 1983. — С. 123—129.
8. *Порошина В. А.* Выделительно-ограничительные частицы и их стилистические функции в языке былин : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / В. А. Порошина. — Ленинград, 1984. — 24 с.
9. *Словарь служебных слов русского языка / А. Ф. Прияткина [и др.].* — Владивосток : Примполиграфкомбинат, 2001. — 363 с.
10. *Стародумова Е. А.* Акцентирующие частицы в русском языке / Е. А. Стародумова. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1988. — 96 с.
11. *Стародумова Е. А.* Частицы русского языка (разноаспектное описание) / Е. А. Стародумова. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. — 292 с.
12. *Токарчук И. Н.* Ограничительные частицы в научном тексте : стилистический аспект / И. Н. Токарчук // Смысловое пространство текста : сборник научных статей межвузовской научно-практической конференции. — Петропавловск-Камчатский : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012а. — С. 36—50.
13. *Токарчук И. Н.* Особенности функционирования частиц в текстах рекламных сообщений / И. Н. Токарчук // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2012б. — № 6. — С. 190—195.
14. *Чернышева А. Ю.* Метатекстовые смыслы в романах Л. Н. Толстого / А. Ю. Чернышева // Слово и мысль Льва Толстого : филологические разыскания : сборник научных статей. — Казань : КГУ, 1993. — С. 123—132.
15. *Чернышева А. Ю.* Проблемы функционирования частиц в сложном предложении : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / А. Ю. Чернышева. — Москва, 1997. — 43 с.
16. *Шимчук Э.* Словарь русских частиц / Э. Шимчук, М. Щур. — Берлин : Peter Lang, 1999. — 147 с.

Particle “tolko” in Space of Literary Text (on Works by Boris Vasilyev)

© Tokarchuk Irina Nikolayevna (2018), orcid.org/0000-0003-3324-3968, SPIN-код 8976-5503, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia), tokarchuck.ira@yandex.ru.

The article is devoted to stylistic aspect of the functioning of Russian particles. The functionality of the particles as a means of creating stylistic techniques and idiosyncrasy of the writer are discussed. By example of one of the most frequent inter-style particles with a restrictive semantics — the word *tolko* ‘only’ — the implementation of the semantic-pragmatic properties of the particles in the space of the fiction text is shown. It is determined that the principal manifestations of the semantics of restrictiveness (evaluation of a feature as the only one and evaluation of a feature as insignificant, unimportant one) typical to *tolko* create a database to use particles for creating an image of character, and to express the main ideas in works by Boris Vasilyev. In particular, on the material of the story “Do not shoot the white swans” the role of the particle *tolko* is described as a marker of the meaning ‘insignificant’ in creating the image of the protagonist. It is shown that the author of the novel uses the techniques of repetition and gradation: in constructions of the type *not X, but only Y*, where the positions of X and Y are replaced by predicates, the action of Y is evaluated as insufficiently active against the background of the negative (explicitly or implicitly) expected active action. It is proved that the use of structures with a particle ‘only’ allows the writer to emphasize the main features of the the central character — meekness, irresponsibility and so on. The conducted research allows to supplement the general picture of functioning of *tolko* ‘only’ in the modern Russian language.

Key words: particles; semantics; pragmatics; stylistic aspect; stylistic technique; stylistic effect.

References

- Akimova, G. N. 1990. *Novoye v sintaksise sovremennogo russkogo yazyka*. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. 1999. *Yazyk i mir cheloveka*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).
- Baranov, A. N. [et al.]. 1998. *Diskursivnyye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya*. Moskva: Metatekst. (In Russ.).
- Chernysheva, A. Yu. 1993. Metatekstovyye smysly v romanakh L. N. Tolstogo. In: *Slovo i mysl' Lva Tolstogo: filologicheskiye razyskaniya: sbornik nauchnykh statey*. Kazan': KGU. 123—132. (In Russ.).
- Chernysheva, A. Yu. 1997. *Problemy funktsionirovaniya chastits v slozhnom predlozhenii: avtoreferat dissertatsii... doktora filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Ivanchikova, E. A. 1979. *Sintaksis khudozhestvennoy prozy Dostoevskogo*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. 1996. Predikatsiya i neopredelennost' In: *Slovar'. Grammatika. Tekst: sbornik statey uchenikov N. Yu. Shvedovoy*. Moskva: IRYa RAN. 387—395. (In Russ.).

- Paducheva, E. V. 1995. *Semanticheskiye issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)*. Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kultury». (In Russ.).
- Poroshina, V. A. 1983. Osobennosti funktsionirovaniya vydelitelno-ogranichitelnoy chastitsy tolko v epicheskom proizvedenii. In: *Yazyk zhanrov russkogo folk-lora: mezhvuzovskiy nauchnyy sbornik*. Petrozavodsk: PGU. 123—129. (In Russ.).
- Poroshina, V. A. 1984. *Vydelitelno-ogranichitelnyye chastitsy i ikh stilisticheskiye funktsii v yazyke bylin: avtoreferat dissertatsii... kandidata filologicheskikh nauk*. Leningrad. (In Russ.).
- Priyatkina, A. F. [et al.]. 2001. *Slovar' sluzhebnykh slov russkogo yazyka*. Vladivostok: Primpoligrafkombinat. (In Russ.).
- Shimchuk, E., Shchur, M. 1999. *Slovar' russkikh chastits*. Berlin: Peter Lang. (In Russ.).
- Starodumova, E. A. 1988. *Aktsentiruyushchiye chastitsy v russkom yazyke*. Vladivostok: Izd-vo Dalnevost. un-ta. (In Russ.).
- Starodumova, E. A. 2002. *Chastitsy russkogo yazyka (raznoaspektnoye opisaniye)*. Vladivostok: Izd-vo Dalnevost. un-ta. (In Russ.).
- Tokarchuk, I. N. 2012a. Ogranichitelnyye chastitsy v nauchnom tekste: stilisticheskiy aspekt. In: *Smyslovoye prostranstvo teksta: sbornik nauchnykh statey mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Petropavlovsk-Kamchatskiy: KamGU im. Vitusa Beringa. 36—50. (In Russ.).
- Tokarchuk, I. N. 2012b. Osobennosti funktsionirovaniya chastits v tekstakh reklamnykh soobshcheniy. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 6: 190—195. (In Russ.).